

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б68

Серия основана в 2011 году
Выпуск 543

Художник
Л. Клепакова

Бланк Э.

Б68 Колючко для наследницы: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 345 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3085-7

Единственная дочь, наследница огромной звездной империи, влюбленная невеста будущего императора... Ей так много дано и позволено! Даже беспечность юных лет, из-за которой она в одночасье теряет все, что ей так дорого. И вот уже нет жениха, нет родных, не на кого опереться, а империя рухнула. От такого можно впасть в отчаяние... А можно искать свой путь! Выжить в стычке с пиратами, доказать врагам свои права на титул, возродить империю. Но главное — вернуть кольцо, потерянное в прошлом, залог победы, счастья и любви.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Эль Бланк, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3085-7

Глава 1

ВЫБОР И ДЕТСТВО. КУДА ОТ НИХ ДЕТЬСЯ?

*Начинается взросление в славный праздник...
День рождения.*

Теплый ветер, резкими порывами набрасывающийся на берег, несет с собой запахи моря — простора, влаги, соли. Раз за разом повторяя свою атаку, играет с волосами, выпутывая из прически синие прядки, рвет с тела одежду и вновь успокаивается, чтобы через минуту вернуться и с новыми силами продолжить наступление. Ласковые лучи Адапи гладят кожу, оставляя на ней ощущение тепла и неги. Скользят по гладкой поверхности воды и взрываются миллионами бликов, когда неожиданная волна подкатывает к берегу, ударяясь о скалу. Шумное «бум-ш-ш!» сливается с протяжным стоном потревоженных обитателей скал. Вынужденные подняться в воздух, ворки парят в кристально чистой атмосфере на фоне голубого неба, отливая разноцветным перламутром. Изумительное зрелище.

— Пора, — мелодично влетает в этот прекрасный фон нежный девичий голос. — Ваш брат прислал сообщение. Нас ждут.

— Подождут, — легко отодвигаю неизбежное.

Наслаждаясь приятными ощущениями, я жмурюсь от слепящих даже сквозь опущенные веки лучей. Сильнее сжав пальцы, оплетающие идущий вдоль обрыва гладкий поручень, наклоняюсь, запоминая ощущение свободы и независимости. Больше я такого не испытаю никогда.

— Осторожнее, не упадите, — вновь проявляет заботу фрейлина. Моего запястья касаются тонкие пальцы в готовности оказать поддержку.

— Вария, — беру ее за руку, вынуждая к откровенности, — скажи мне, это сложно — кого-то любить?

— Нет, что вы! — счастливо улыбается наперсница. — Это такое приятное ощущение: томление, мечты, желание быть вместе... Вам понравится.

Ей легко говорить, она уже отпраздновала свое пятнадцатилетие. И влюбилась сразу. Теперь с моего брата глаз не сводит, при его появлении теряется, краснеет, дышит через раз. Была нормальная подруга и за каких-то два года превратилась в степенную фрейлину, озабоченную вниманием одного-единственного мужчины. А сегодня и мне это предстоит. Потерять голову и сделать выбор. Жуть.

— Допустим. — Я все равно не сдаю позиций, желая все прояснить. — Поначалу это не столь обременительно. А дальше? Ты в курсе, что тебя ждет через три-четыре года, когда организм начнет перестраиваться? А к совершеннолетию? Я слышала, девчонкам совсем плохо становится, особенно вдали от возлюбленного.

— И где же вы наслушались подобного? — Синие глаза подруги смотрят на меня с укором. — Ваша мама будет в шоке.

— Не важно.

Отвожу взгляд в сторону, словно заинтересовалась пролетевшим совсем рядом ворком. Ну не признаваться же в том, что подслушиваю разговоры слуг! Которые, кстати, без ущерба для своих обязанностей весьма активно и охотно обсуждают личную жизнь придворных. И если быть внимательной и осторожной, можно почерпнуть для себя очень многое.

— Не думаю, что вам стоит волноваться. Все это естественно. И от ранних привязок никто с ума не сходил, все спокойно дожидались совершеннолетия. Так что, я уверена, встретите женихов — и все страхи исчезнут, — так и не дождавшись ответа, резюмирует Вария, проявляя присущее ей понимание. Несмотря на юный возраст, она куда разумнее многих взрослых дам-наставниц, на уроках которых чаще мне приходится под них подстраиваться, нежели наоборот.

— Ладно, идем. — Я со вздохом разворачиваюсь, понимая, что откладывай не откладывай, а итог все равно будет один.

По дороге, высеченной в крутом склоне над обрывом, мы доходим до парковой зоны. Камни здесь сменяются низкой травой, море скрывается за скальными поднятиями, пронизанными узкими ручейками. Срываясь вниз маленькими водопадами, водные потоки переливчато журчат, привлекая к себе

местных обитателей. В другое время я бы обязательно остановилась, чтобы на них полюбоваться, но сейчас прохожу мимо.

За грядой появляются кустарники и вездесущие вьюны, поднимающиеся по любой вертикальной поверхности. Со стен дворца садовники каждый год снимают буквально врастающие в камень проростки. Не делай они этого, здание за сотню лет скрылось бы в дремучих зарослях. И наверняка превратилось в развалины. А ведь оно так красиво!

Я совсем иначе смотрю на дом, в котором провела свое детство. Огромное внушительное сооружение из серого камня, на котором я рисовала знаки-указатели, играя с дочками придворных в прятки. Высокие оконные проемы, еще полгода назад закрытые прозрачным пластиком, а сейчас затянутые тонким, но куда более прочным трипслатом — подарком исгреан, определенно рассчитывающих, что сегодня я выберу их принца. Ведущие на площадку боковые лестницы, по ступеням которых я столько раз и степенно спускалась, и едва ли не скатывалась кувырком, торопясь на прогулку. Столько воспоминаний!

— Позвольте, я помогу! — Вария подхватывает меня под руку, когда я спотыкаюсь, перестав следить, куда шагаю.

— Спасибо.

Приподняв легкую ткань юбки бледно-голубого платья, я поднимаюсь к призывно запахнутым створкам парадного входа, пытаюсь разобраться — что же со мной происходит? Рассеянность, совершенно не имеющая причин. Тревожное ожидание, поселившееся в душе. Ностальгия по уходящему детству... Но почему? Я ведь никуда не уезжаю, как жила, так и останусь здесь жить до совершеннолетия. Что-то определенно меняется в моем сознании. Это и есть тот самый обещанный мамой «переломный момент»?

С каждым шагом, приближающим меня к тронному залу, где собрались прилетевшие на Вион гости, мое волнение растет. Воздух словно сгущается, с трудом проникая в легкие. Яркий свет, падающий в оконные проемы, кажется тусклым. Ощущение тепла сменяется зябкой прохладой, заставляя кожу покрываться мурашками. И все же, когда подошвы моих туфелек ступают на идеально гладкий, отшлифованный до зеркального блеска пол, когда моя фрейлина деликатно отходит в сторону, позволяя мне идти одной, когда голоса, заполняющие зал, стихают, я вновь обретаю уверенность и спокойствие.

Не глядя на придворных, отступивших к стенам, пересекаю зал, чтобы оказаться рядом с родителями. И на гостей пока тоже не смотрю, чтобы не нарушать подготовленный организатором праздника план церемонии. Мне ведь несколько дней пришлось его заучивать и репетировать.

— Идилинна, — ласково звучит голос отца, — прими наши поздравления.

Он протягивает руки, и я не мешкая шагаю ближе, чтобы оказаться в сильных и таких привычных объятиях. На краткий миг прижимаюсь щекой к плотной ткани темно-синего мундира где-то на уровне груди, потому как папа меня намного выше, и отстраняюсь. Прошептав «спасибо!», поднимаю голову, чтобы заглянуть в глаза изумительного оттенка стремительно темнеющего неба, испытующе всматривающиеся в мое лицо. Они молчаливо спрашивают: все ли в порядке? И я улыбаюсь в ответ, показывая: все хорошо. Мне достаточно понимания — отец поможет, если такая необходимость возникнет.

— С днем рождения, доченька! — Мама искренне радуется тому, что сейчас происходит.

Ее я обнимаю ничуть не менее крепко, хотя, надо уж признаться честно, с ней мы более далеки друг от друга. Папа всегда дела откладывал, если чувствовал, что для меня его внимание в данный момент важнее. Мама же не только не поощряла подобного самопожертвования, но и не раз говорила, что он — император и король Виона, а потому игры с дочкой вовсе не обязательны, ведь есть специально нанятые для этого воспитатели. И сама не слишком часто со мной возилась. Я думаю, мама папу ко мне ревновала. Она даже сейчас радуется не столько моему пятнадцатилетию, сколько тому, что скоро я влюблюсь, выйду замуж и улечу жить на другую планету, к мужу. Тогда папа будет принадлежать только ей.

Впрочем, я напрасно ее в этом укоряю. Мама папу любит. И он в ней души не чает. Так что оба родителя у меня замечательные. Каждый по-своему, да, но этого и следовало ожидать: отец — вионец, а потому покладистый и всегда готовый пойти на компромисс, а вот мама, как истинная шенорианка, характер имеет воинственный. И делить мужа не желает даже с дочерью.

— С праздником, сестричка, — подключается к процессу Ваймон, дождавшись, когда я повернусь к нему. Правда, обнимать не спешит. Несмотря на то что мы родственники, это все

равно неприлично, особенно при свидетелях: все же он совершеннолетний мужчина. Так что брат просто касается руки, которую я ему протягиваю.

И снова я улыбаюсь, ведь смотреть на Ваймона и не видеть в нем отца невозможно. Даже мама постоянно сетует, что сын от нее не получил ни единой черточки. Я хотя бы рост унаследовала, родительница тоже своему мужу едва до груди достает, а брат у меня высокий, статный, худощавый. И у нас с ним нет ничего, что характерно для облика шенориан: ни ярко-желтых волос, ни курносого носика, ни карих глаз, ни круглого личика. Маму это очень расстраивает.

— Позволь представить тебе наших гостей, — вновь перехватывает инициативу папа.

Я же глубоко вздыхаю, настраиваясь на церемонию, и разворачиваюсь к залу. Мне ведь не сказали, кто именно желает участвовать в выборе, чтобы я оставалась беспристрастной. Потому я готова увидеть кого угодно — в империи сейчас уже больше семидесяти планет. И шанс стать новой столицей есть у любой из них, при наличии неженатого представителя правящей династии, разумеется, ну и если до этого они статуса столицы не имели.

И сколько же желающих на текущий момент?

Скользнув глазами по ближайшему к нам окружению, понимаю — не так уж много. На фоне синеволосых вионцев всего пятеро мужчин выделяются своей необычной внешностью.

Первым, потому как его планета раньше остальных вошла в состав империи, навстречу шагает белокожий цессянин.

— Хэйрас Навин ли'Тон, — раздается за спиной голос отца.

Глядя в почти скрытые за белой челкой бледно-сиреневые глаза, я заставляю себя улыбнуться. И ощущаю больше беспокойства, нежели желания общаться. Нет, ну он же старый совсем! Ну и пусть альбиносы по пятьсот лет живут, у меня с ним разница лет в двести. Он ровесник моего отца, не меньше. Дикость какая-то.

Впрочем, и второй претендент — яркий красноволосый военный-лансианин не кажется мне намного моложе и привлекательнее. Сговорились они, что ли?

— Ром Олиин ош'Лак, — продолжается представление. — Щер Дилес зе'Орон...

Передо мной появляется серый, совершенно невзрачный молодой человек, больше похожий на бесцветную тень. Ви-

дейянин, несомненно. Только у них такой жуткий цвет кожи, от которого у меня снова мурашки бегут по коже.

— Евор Поис ро'дИас...

Темноволосый, симпатичный истреанин одаривает меня заинтересованным взглядом и тут же отводит глаза в сторону. Однако я успеваю заметить мелькнувшее в них разочарование. И поначалу теряюсь — куда это он сейчас смотрел? Что ему не понравилось? Невольно опускаю глаза и вспыхиваю от догадки: да, фигура у меня еще не женская, и, даже несмотря на элегантное платье и прическу, выгляжу я всего лишь девчонкой-подростком.

— Тогрис Ламин цу'лЗар.

В голосе отца тоже чувствуется возмущение реакцией истреанина, и мне становится жаль последнего претендента, потому что он-то ни в чем не виноват. Обычный светловолосый томлинец. Высокий, худощавый, с прямым открытым взглядом желто-оранжевых глаз, в выражении которых нет ничего пугающего или раздражающего. К тому же как раз его поведение и внешность отторжения у меня не вызывают. Впрочем, и желания броситься ему на шею тоже. М-да... Вот и думай теперь, нормально это или ненормально. И чего дальше ждать.

А дальше, кстати, официальная часть заканчивается. Распахиваются створки проемов, ведущих на террасу, звучит музыка, по залу разносится шелест голосов и шорох одежд. Кто-то покидает помещение, кто-то просто меняет положение, отыскивая знакомых...

Я вновь оказываюсь в компании Вари. Мои потенциальные кавалеры далеко не уходят, общаются друг с другом, пока не рискуя настаивать на личной беседе со мной. Рядом бдително кружит Ваймон, не допуская в наш круг посторонних мужчин. А мне становится весело. С одной стороны, понятно — это страховка. Все хотят, чтобы мой организм побыстрее определился, привязался к нужному претенденту и не возникло проблемной тяги к кому-то неправильному. С другой стороны, выглядит происходящее на самом деле смешно.

Прислушиваюсь к себе и понимаю — не так уж страшно. Мне появление первого влечения представлялось каким-то глобальным, катастрофичным, необратимым. В реальности же ничего такого нет. Видимо, зря я себя накручивала. Ну и ладно, мне же спокойнее. А вот выбор все-таки сделать придется.

— Дорогие гости, — вспомнив наставления строителя, обращаюсь к «женихам», — мне кажется, и нам следует выйти на террасу. В зале мы не увидим того прекрасного зрелища, которое подготовлено в честь вашего прибытия.

— Вашего дня рождения, — мягко поправляет меня ли'Тон.

— Не причина важна, а результат, — парирую я легко. Наверняка потому, что больше не смотрю на цессянина как на будущего мужа. — И он, поверьте, вам понравится.

Я ничуть не лукавлю. Как можно не восхититься стремительно летящими по лазурно-голубому небу лайрами? В сравнении с ними меркнет даже перламутровое оперение ворков. Маленькие бирюзовые создания, с изумительными длинными хвостами, похожими на тонкие золотые нити, раскинув серебристые крылья, скользят в воздушных потоках. Сливаются в единую мерцающую стаю, разлетаются в стороны драгоценными искрами, пикируют, опускаясь на перила террасы под дружное «ах!» зрителей.

Сменяя их, в воздух поднимаются ик'лы — практически невесомые существа, похожие на разноцветные шары. У них сейчас сезон размножения, потому, получив свободу, они мечутся в поиске пары. Кружат радужными хороводами, а найдя партнера, сливаются с ним, разбухают и лопаются, осыпаясь вниз маленькими шариками-детенышами. Теперь им больше года предстоит расти, чтобы затем последовать примеру родителей, пожертвовавших собственными жизнями.

И снова взлетают лайрами. Вернее, соскальзывают с перил, практически падая на площадку, расположенную ниже террасы. На лету подхватывают лежащие на камнях, сплетенные между собой цветы, а затем взмывают ввысь, поднимая гирлянду над дворцом.

— Какая качественная дрессировка, — не удерживается от восторженного замечания видийнин.

— С такими маленькими животными наверняка это несложно, — хмыкает в ответ лансианин. — Вам не приходилось стлкаться с земульти. Вот кого приручить невероятно сложно.

— Наши хинари тоже не подарок, — презрительно цедит цессянин. — Годами обкатываем.

Томлинец молчит, как и исгреанин. Хотя у последнего определено есть свое мнение, и он его все же высказывает, когда я вопросительно на него смотрю:

— Мы технику «дрессируем». Это нельзя сравнивать.

— А у вас? — не выдерживаю, обращаясь к Тогрису. — Разве на Томлине нет животных?

— Есть песчаные ящеры. Но они легко идут на контакт. Даже когда поднимаются в воздух.

— Летают? — В моем воображении тут же возникает картинка: мужчина, скользящий на мощном животном над пустыней. Шикарно!

— Только ночью. Днем просто бегают. С высотой уровень радиации быстро растет.

— Все равно это здорово! — радуюсь я, чувствуя, как по коже струится непонятное мне возбуждение. Словно предвкушение чего-то необычного. Наверное, потому и предлагаю: — А хотите на жирали полетать? Сравните ощущения.

— Очень хочу.

Тогрис искренне радуется моему предложению, а вот другие претенденты если и недовольны проявляемым мной вниманием к сопернику, стараются этого не показать. Делают вид, что заинтересованы чем-то иным. Понимают, что их попытки вмешаться будут выглядеть неэтично. И тогда у них шансов точно не останется.

Я же протягиваю томлинцу руку и с трепетом жду, когда его пальцы скользнут по моей ладони. Ведь впервые меня касается чужой мужчина, не родственник.

Сама традиция очень старая. С самого основания империи закрепились, когда ипериане вот таким своеобразным ритуалом показывали дружеское расположение зоггианам. А еще она в некотором смысле провокационная — да, кожа на руках наименее чувствительна, но иногда этих прикосновений достаточно, чтобы хорошее отношение женщины к мужчине начало трансформироваться во влечение. Тем и ценно доверие, которое я сейчас оказываю Тогрису. Он ведь теперь точно имеет преимущество перед другими.

Касание, поначалу едва ощутимое, легкое, неожиданно становится пленом для моих пальцев. Скольжение превращается в пожатие. И длится оно... чуть дольше, чем нужно. Чуть сильнее, чем требуется.

Томлинец не удержался! Минимально, но все же вышел за рамки приличий. Видимо, я ему нравлюсь, в отличие от...

Бросаю беглый взгляд на исгреанина, и сомнений не остается — этому империанину я точно не нравлюсь. Руки на груди сложил, поза выжидательная, на лице прямым текстом напи-

сано: «Скучно». А жаль. Я бы и с ним попыталась контакт наладить. Симпатичный же.

С другой стороны, это его право отказаться от возможности стать моим мужем и императором. Для мужчины, конечно, не составляет особых проблем прожить свою жизнь с нелюбимой женщиной, но все же лучше, когда влечение рождается обоюдное.

Думаю, что и остальные претенденты это понимают. Как и то, какой выбор я сделала.

— Прошу простить, дорогие гости, но нам придется вас покинуть. — Я улыбаюсь и тщательно подбираю слова, стараясь никого не обидеть. — Жирали взлетают только с поверхности земли, как и приземляются. Так что для полета нужно спуститься в аэриум. Вы можете остаться здесь, представление будет продолжаться. Или же присоединяйтесь к нам, я буду рада.

Удивительно, но радовать меня решается... видийнин! Лансианин и исгреанин, коротко кивнув, отступают к ограждению, от которого отошли, чтобы нам удобнее было общаться. Цессянин, на мгновение замешкавшись, тоже следует их примеру. В итоге по залу, коридорам дворца, лестнице, а затем дорожке, ведущей к загонам, я иду в сопровождении Тогриса и Щера. Вария и Ваймон следуют за нами, стараясь оставаться незаметными и не мешать.

Через несколько минут, когда распахиваются двери аэриума, я люблюсь на удивленно вытянувшиеся лица моих спутников. Оно и понятно — мирно расслабляющиеся на травяной подстилке жирали, среагировав на наше появление, тут же вскакивают и принимаются подпрыгивать, смешно выбрасывая две длинные тонкие лапки в стороны и удерживая равновесие на третьей. Они танцуют, привлекая к себе внимание, ведь выбор наездника это для них единственная возможность подняться в воздух. А летать эти существа очень любят.

Изумление мужчин сменяется растерянностью, едва я тихим свистом подзываю свою любимицу. Жали — темно-синяя жираль, совсем молоденькая, но при этом достаточно крупная, хлопая крыльями, стремительно бросается мне под ноги и расплывается на траве. Повторяя ее движение, еще четыре особи покидают стаю, подчиняясь свисту зрителей загона.

Пока гости внимательно слушают краткие наставления моего брата, на собственном примере показывающего, как пра-

вильно сидеть на неведомом ранее средстве передвижения, я и Вария удобно устраиваемся на пушистых спинках, в плотном пространстве между шестью сложенными крыльями. А дальше наслаждаемся. Сначала быстрым разбегом, когда жирали разгоняются для взлета, а затем планирующим полетом с медленным набором высоты.

Летать в платье, разумеется, не так удобно, как в брюках, но принципиальной разницы все равно нет. Особенно если юбка объемная. Приходится лишь следить, чтобы ткань не мешала животному, не поднималась потоками воздуха вверх и не закрывала обзор.

Я оглядываюсь, отыскивая взглядом своих кавалеров. Томлинец, выбравший ярко-зеленую особь, выглядит совершенно спокойным, а вот видийянину, сидящему на черной с белыми пятнами жирали, явно не по себе. Вперед наклонился излишне сильно, за шею животное схватил в поиске дополнительной опоры. Определенно боится. И совершенно напрасно, потому что свалиться с жирали можно только при очень большом желании. У нее всегда два крыла оказываются изогнуты так, что окружают наездника. Тому просто некуда падать.

Теперь в моей душе и к Щеру рождается волна сочувствия. Он ведь так много теряет! Сосредоточенный на том, чтобы держаться, не видит ни красоты неба, покрытого белыми штрихами облаков, ни зеленого простора огромного парка, разбитого вокруг дворца, ни плотной городской застройки у самого горизонта, к которой мы медленно приближаемся. Вагдрибор — столица Виона, однако дворец не является его частью и всегда оставался изолированным.

Не знаю, было ли это в планах устроителя праздника, но, едва мы оказываемся над городом, в воздух поднимается целая стая жиралей. Окружив кольцом, они нас сопровождают, и я с легкостью узнаю среди наездников вице-короля Виона, его жену и дочь — Ларилину.

Хорошее настроение тут же сходит на нет. Не только у меня, но и у летящей бок о бок со мной Вари. Мы обе не в восторге от этой девицы, а причина проста до банальности — у нее тоже привязка к моему брату, а сбивать ее он не торопится, потому что все, а в особенности ее отец, на свадьбе настаивают. И меньше всего мне хочется портить себе праздник присутствием этой раздражающей особы.

Увы... Мы уже обратно поворачиваем, а сопровождающая кавалькада от нас не отстает и возвращаться в город не спешит. Вот меня теперь и гложет вопрос: то ли это я сглупила, когда сюда полететь решила, то ли они и без моей самостоятельности все равно оказались бы во дворце.

— Идилинна! С праздником, дорогая наша девочка!

Вице-король, едва мы приземляемся, торопится подойти ко мне, чтобы приветствовать. И я, испытывая чувство вины за свое нежелание видеть его семью рядом, подаю руку. Он хороший империанин, добрый, и не виноват, что дочка не в него характером пошла. В маму, да... Вот в эту худющую, затянутую в облегающее темно-синее бархатное платье даму, которая на голову выше своего полноватого мужа и ведет себя куда более чопорно, как и говорит:

— Пятнадцатилетие — самый ответственный этап в жизни наследниц. Мы все в ожидании решения, кто же станет новым императором.

— Легкого выбора вам, — скромно опустив глаза, вторит ей Ларилина.

Зубы сводит от приторности, с которой эта... ол'ва¹ меня поздравляет. Сладко на вкус, а по факту потом сутки мучаешься, пока организм от яда не избавится. И ведь отказать в общении нет никакой возможности — статус не позволяет!

Хорошо, что брат меня выручает. Приобняв потенциальную невесту одной рукой, ухитряется второй обвить талию помрачневшей Вари и утащить обеих в сторону. Теперь влюбленная девица становится проблемой моей фрейлины, зато я вновь могу сосредоточиться на своих кавалерах. Тем более они уже стоят рядом и ждут.

— Вам понравилось? — спрашиваю, потому что действительно хочу понять, что же мужчины чувствуют.

— Очень приятный полет. На ящерах все же менее комфортно, — первым отвечает Тогрис.

— Для меня это совершенно новые впечатления, — словно извиняется Щер, виновато разводя руками. — На Видийх вечный туман и нет возможности видеть такие большие открытые пространства.

— Как же вы ориентируетесь?

---

¹ Самое ядовитое растение на Вионе. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Вопрос срывается с моих губ и губ томлинца настолько синхронно, что мы от неожиданности замолкаем, а потом вместе смеемся невероятному совпадению.

— По магнитным полям. — Видийянин, ответив нам, тоже улыбается, но как-то иначе. Грустно, что ли. Или просто устало?

— Давайте вернемся в зал. Нас ждут. — На этот раз я протягиваю руки им обоим, так и не определившись в своих предпочтениях. Да, внешность томлинца мне больше импонирует, но и мужество видийянина, до этого ни разу не поднимавшегося в воздух, достойно восхищения. Значит, и шансы у мужчин должны быть равные, а дальше... дальше пусть организм решает. Привязка ведь на уровне физиологии формируется.

Потому стараюсь не анализировать, что мне приятнее — уверенное, уже знакомое пожатие теплой руки Тогриса или осторожное, едва ощутимое прикосновение прохладных пальцев Щера. Просто жду, когда они воспользуются возможностью, которую я им предоставляю. Да и в оставшееся до ужина время больше не провоцирую ни себя, ни кавалеров. Любуюсь очередным ярким представлением, которое запускается, едва мы поднимаемся наверх, а когда оно заканчивается, в сопровождении Вари ухожу в свою комнату. Это только принцы приглашены в зал на личную беседу с императором, а мне там делать нечего.

*Энергична и упряма, в курсе всех событий...
Мама.*

— Лиана, ты закончила ужинать? Выходи, обжорка, я тебя жду!

Из-за неплотно прикрытой двери столовой до меня доносится громкий уверенный голос. Шаги. Шорохи. И новая порция добродушного возмущения:

— Вария! Почему платье не убрано? И кровать не готова! Ты опять за этим не следишь? До сих пор в мыслях на жирали летаешь?

— Я сейчас. Простите! — сплетается с нотацией виноватый лепет фрейлины. Однако, несмотря на это, родительница продолжает сетовать:

— Ты одна уже не справляешься. Придется брать еще одну наперсницу... Лина! Ты как не моя дочь, честное слово! Сколько можно есть?

— Иду, иду...

С сожалением посмотрев на тарелку, куда я только что положила добавку, поднимаюсь из-за стола. Аппетит у меня на самом деле зверский. И это никак не соотносится со способностями шенориан, которые я должна была от мамы унаследовать. То есть вместо того чтобы спокойно голодать сутками напролет, кушаю я вполне плотненько. А вот вес не набираю, и куда исчезает избыток веществ, никому не ведомо.

— Ну-ка, дай на тебя посмотрю...

Я едва успеваю открыть дверь столовой и ступить на мягкий ковер своей спальни, а мама уже стоит рядом. Окидывает придирчивым взглядом изящную ночнушку из тонкой белой ткани, распущенные волосы, перехваченные широкой лентой, многозначительно хмыкает и, крепко вцепившись в запястье, тащит к кровати, чтобы усадить, набросить на плечи теплое пушистое покрывало, сесть рядом и приказать:

— Рассказывай!

— Что именно? — обреченно вздыхаю, поджимая ноги под себя и укутываясь плотнее.

— Все! — предсказуемо масштабно заявляет родительница. Смеется и снижает объем требований. — Кто тебе понравился, разумеется!

— Я не уверена...

— Ой, да ладно! — Карие глаза, потрясенные моей скрытностью, поднимаются к украшенному орнаментом высококому своду потолка. — То-то я не видела, как ты на цу'лЗара смотрела. Ну и правильно. Он с тебя глаз не сводил.

— Зе'Орон тоже хотел быть рядом. Я ему понравилась.

— Еще бы не нравилась. Ты же наследница, — легко отмахивается мама. Смотрит на мое недовольное лицо, потому что с объяснением я не согласна, и восклицает: — Лина! Наивная! Да заинтересованность видийянина влечением и не пахнет! Он же второй сын короля. Никаких перспектив на правление планетой. Потому и цепляется за возможность стать императором.

— Ясно. — Хотя и остаюсь при своем мнении, но больше не спорю. — А ро'дИасу мой статус, видимо, безразличен, я ему внешне не приглянулась.

— Про него вообще говорить не хочу! Даже твой отец возмутился. Если бы не подарок, который истреанин сделал, его выгнали бы с праздника, — сообщает мама. Разве что ее объяснение в корне отличается от того, которое я дала поведению мужчины. — У этих вояк пунктик на синем. На дух этот цвет не выносят. А уж голубой и подавно. Вот и зачем, в таком случае, на отбор лететь?

— Может, принц надеялся, что отторжение не проявится? — неожиданно слышится тонкий голосок.

Удивительно, но вмешательство Вари, которой обычно всегда доставалось за попытки вступить в разговор без разрешения, на этот раз остается безнаказанным. Мама лишь бросает на нее задумчивый взгляд и высказывает иное предположение:

— Или его отец на участии настаивал. Тогда я не удивлюсь, если ро'дИас специально так себя повел, чтобы уж его точно не выбрали.

— Полетел на отбор, только лишь чтобы исполнить волю родителя? — ужасается фрейлина.

— Ну да. Со стороны посмотреть — к нему никаких претензий. Он долг выполнил, попытался, но не смог получить такую драгоценность, как рука наследницы. — Мама усмехается и возвращается ко мне. — Значит, Тогрис цу'лЗар, — говорит утвердительно. — Ну что ж, хороший выбор.

— Я еще не решила! — аж подпрыгиваю от возмущения.

— Ага, верю. — Язвительности в голосе родительницы прибавляется. — Предпочтешь одного из старых прожженных интриганов, который будет всю жизнь тобой управлять. Ты повзрослеешь, а он этого даже не заметит, продолжая считать глупой маленькой девочкой. Шикарная перспектива!

Она права. Увы, но так и есть. То есть будет, если рискну выйти замуж за лансианина. Или цессянина.

— Почему?.. — не выдержав, всхлипываю, размазывая покотившиеся по щекам слезы. — Почему у меня выбор такой маленький? Семьдесят планет! А женихов...

— Прекратить истерику! Немедленно! — командным голосом приказывает мама.

Шенорианка. Характер у нее несгибаемый. Проще послушаться, чем продолжать настаивать на своем, встречая нешуточное сопротивление. Даже папа так поступает. Вот и мне приходится, вцепившись в платочек, который подала торопли-

во подскочившая Вария, убирать с лица следы паники. И слушать.

— Кто бы жаловался, только не ты! У тебя пять — Идилинна, слышишь? — целых пять претендентов! У меня не было никого, кроме твоего отца. Вообще не было выбора, понимаешь? Твоя прабабушка дала обещание бабушке твоего отца, когда тот родился, что ее внука выйдет замуж за ее внука. Глупое обещание, опрометчивое. А в итоге меня лишили выбора. Но я же не жаловалась. Ты от меня хоть полслова упрека отцу слышала? Вот то-то же! А мало претендентов прилетело, потому что остальные — трусы! Не хотят брать на себя ответственность. Ясное дело, проще управлять одной-единственной планетой, на которой ты у себя дома, чем решать проблемы разных планет, решившихся на объединение. А ты подумай, дочка, нужен ли империи нерешительный, не способный принимать волевые решения император? Так что радоваться нужно, что недостойные претенденты сами избавили тебя от необходимости с ними знакомиться. А что касается любви, — из голоса исчезает металл и появляются ласковые нотки, — она придет обязательно, кого бы ты ни выбрала. Не сейчас, так после танца. Даже не сомневайся. Такова уж наша физиология.

Сраженная ее словами, я и не замечаю, как успокаиваюсь. И на мокрый платок в руке смотрю с недоумением. Действительно, было бы из-за чего расстраиваться! Ведь есть тот, кто мне симпатичен. Даже двое. Одного из них одобряют мои родители. Ну и какие проблемы? Да никаких.

— Я поняла, — киваю и признаюсь: — Мне на самом деле Тогрис нравится.

— Вот и замечательно! — с облегчением вздыхает мама, поднимаясь на ноги. Убирает за ухо желтую прядку, выбившуюся из прически, и расправляет юбку. В отличие от меня, она ко сну еще не готова, даже пришла в нарядном платье, в котором на празднике была. — Тогда ложись спать. На официальное объявление утром тебе приходиться не обязательно, но с кавалером общаться придется весь день. Он имеет на это право.

— А как общаться-то? — торопливо спрашиваю, потому что родительница готова уже уйти из комнаты, оставив меня на попечение Вариы. В итоге она останавливается, хотя видно, что задержка ей не нравится.

— Ну как, как... — задумывается, однако от прямого ответа воздерживается. — Ты поменьше об этом думай. Доверься жениху. Цу'лЗар взрослый мужчина, ему, насколько я знаю, около шестидесяти, и точно не нужно объяснять, как завоевать сердце девушки.

Совет меня совершенно не устраивает. Однако мама исчезает за дверью, а потому я сердито складываю руки на груди и смотрю на фрейлину.

— Нормально, а? Можно подумать, я совсем... — осекаюсь, не договорив, потому что меня осеняет идея: — Вария, давай-ка ты мне расскажешь, как Ваймон тебя зацепил.

Похоже, просьба девушку пугает. Она меняется в лице, ошарашенно выдыхая:

— Вас же никогда это не интересовало...

— А теперь интересуется!

Сдаваться я не собираюсь, а потому хватаю ее за руку, заставляя сесть рядом. И даже одеялом делюсь, набрасывая фрейлине на плечи, чтобы чувствовала себя уютнее и побыстрее во всем призналась.

Уловка срабатывает — я получаю немало пищи для размышлений, даже несмотря на то, что большая часть информации мне уже известна. Например, я прекрасно знаю, что Вария, как и другие, подходящие по возрасту дочери знатных семей Виона, прошла отбор на право стать фрейлиной. Она должна была показать умение принимать верные решения, способность контролировать себя, покладистость, рассудительность, тактичность, знание этикета... Для пятнадцатилетней девочки требования более чем серьезные. А вот о том, что часть испытаний Ваймон контролировал лично и, соответственно, судил, насколько успешно претендентка с ними справилась, я не знала.

— И вот однажды нас отвезли в дальнюю часть парка, сказав, что мы должны самостоятельно вернуться во дворец. И заставили выпить какую-то горькую жидкость. Это была проверка способностей к нейтрализации ядов. Те, кто испытание задумывал, хотели убедиться, что фрейлина в случае отравления быстро придет в себя и не оставит наследницу без присмотра. Ваймон единственный, кто шел с нами. Нам тогда всем было очень плохо. Я шла последней, думала, не дойду. В глазах темнело, дыхания не хватало, ноги слабели. В какой-то момент я на мгновение потеряла сознание и упала бы, но ваш брат ме-

ня поддержал. Заставил отдохнуть, прежде чем идти дальше. Я была поражена. До этого, когда мы выполняли задания, он мне казался серьезным, неприступным, жестким. Бесстрастно наблюдал, словно мы ему безразличны. А тут такое...

Понятно. Приятное удивление, чувство благодарности за оказанную помощь, положительные эмоции, да еще и с непосредственным физическим контактом — самые благоприятные условия для развития влечения у девушки. Вопрос в другом: почему брат проявил неосмотрительность и подобное допустил? Знал же, что сбить такую привязку не сможет, пока девушка не станет совершеннолетней. И все равно не остановился. Мало того, еще и именно этой девушке предпочтение отдал, когда принималось окончательное решение по итогам отбора.

— Нас четверо осталось, кто дошел до финала. У меня результаты были не самые лучшие, и ваша мама готова была выбрать другую претендентку, но Ваймон сказал «нет». И показал на меня.

Вот! Я так и знала, что причина у братца имелась! Ему нужна была... Кто? Сама Вария? Или ее привязка?

— Когда отбор завершился, Ваймон продолжал со мной встречаться. Учил ориентироваться во дворце и в парке. О вас рассказывал, чтобы мне проще было найти с вами контакт. Морально поддерживал, особенно когда вы меня прогоняли и запрещали возвращаться...

Упрек, пусть и скрытый, но справедливый. Мне в то время было тринадцать и, насколько помню, я была увлечена биологией ик'лы. Сутками напролет не вылезала из королевского инкубатора. Потому появление рядом наперсницы лишь отметила как факт. Причем очень раздражающий — ведь теперь совершенно посторонняя девица постоянно находилась рядом. А мне и наставниц более чем хватало. Потому я и злилась на девушку, которая, по сути, ни в чем не была виновата.

— Постепенно я поняла, что без Ваймона чувствую себя некомфортно. Мне хочется, чтобы он был рядом. В душе все переворачивается от его взглядов, прикосновений, самых простых знаков внимания...

Это я тоже знаю — картинку любовных переживаний созерцаю регулярно, особенно когда брат находится в зоне видимости. А появляется он ежедневно, поскольку его обязанность присматривать за мной. Другой вопрос, что Ваймон весьма

своеобразно подошел к организации этого самого «присмотра». Возможно, полагал, что, если у фрейлины будет к нему влечение, она меня никогда не предаст?

Теперь любопытство относительно мотивов брата гложет куда сильнее, чем предстоящее общение с женихом. Таков уж у меня характер — живу себе спокойно, пока в голову не придет какая-нибудь «гениальная» идея. Лишит покоя, сна и возможности думать о чем-то ином. И успокоюсь, лишь получив желаемое.

Вот и сейчас, как ни стараюсь я забыть о родившихся вопросах, ничего у меня не получается. Нетерпение бурлит, заставляя вертеться в кровати, не находя удобного положения. Накатывает жаркими волнами и погружает в холодные потоки, вынуждая то раскрываться, то забираться под одеяло в попытках согреться. Спазмом сжимает мышцы живота, словно я в комнате гигиены не меньше суток не была.

Туда и отправляюсь, стараясь не шуметь и не разбудить спящую на соседней кровати Варию.

Постоянное присутствие рядом наперсницы, даже ночью, — еще одна традиция, которую ввели, чтобы не допустить тесного общения с мужским контингентом дворца. Правило не оставлять наследницу одну — своеобразная страховка от появления случайной привязки. Совершенно бессмысленная, на мой взгляд. Во-первых, до достижения пятнадцати лет ни о каком влечении и речи быть не может. Во-вторых, уйти из спальни я могу и не через главную дверь. Есть проход для прислуги, он находится в столовой, а в нее ведет дверь из туалетной комнаты. Я этим «черным ходом» всего один раз воспользовалась, лет в десять, когда мне вдруг захотелось погулять ночью по дворцу. Больше не было необходимости. До сегодняшнего дня...

Стоп! А разве сейчас она есть? Ловлю себя на том, что уже пригибаюсь, пробираясь через невысокий проем в темноту подсобного коридора. Впрочем, колебания мои исчезают так же быстро, как закрывается дверь за спиной. Если подсознательно меня тянет поговорить с Ваймоном, значит, так нужно.

Глаза быстро перестраиваются на ночное зрение, и я без особых проблем шагаю по неосвещенному коридору, отыскивая дверь в столовую брата. О том, как будет выглядеть мое появление среди ночи, да еще и столь экстравагантным спосо-

бом, стараюсь не думать. Брат у меня адекватный. Строгий, но не импульсивный. То есть не станет с ходу возмущаться и ругать. Сначала подумает и найдет моему поступку логическое объяснение.

И все же, прежде чем войти, лишь слегка приоткрываю дверь и прислушиваюсь. Разумеется, не время ужина, но Ваймон мог зайти, чтобы выпить сок, а видеть, как он это делает, мне не хочется. Я все же девушка приличная.

Убедившись, что в столовой никого нет, уже без опаски шагаю на мягкое, приглушающее шаги покрытие и аккуратно огибаю стол. Здесь не так темно — тонкая полоска неяркого голубоватого света пробивается из-за неплотно притворенной двери. Брат еще не спит. Читает, возможно. Или же новости просматривает...

— Главное, что девочка определилась, — неожиданно громко звучит женский голос, и я замираю, поняв, что Ваймон в спальне не один. Мало того, в компании с тем, то есть той, от которой я точно получу взбучку по полной программе и со всеми вытекающими последствиями, если окажусь застигнутой на месте преступления. Мне же одной по дворцу гулять нельзя, для того и существует наперсница.

Подстегиваемая этими соображениями, я тактически отступаю, однако, нащупав рукой столешницу, останавливаюсь. Чего перепугалась, спрашивается? Мама же не пойдет в столовую брата, у нее своя имеется. Значит, я в безопасности. А потому могу себе позволить незримо присутствовать при разговоре. Тем более говорят-то обо мне! Главное, потом тихо уйти и себя не выдать.

— Хорошо, я понял, — доносится до меня приятный мужской голос. — Прослежу.

— Варию держи при себе, далеко не отпускай, — продолжает мама. — Пусть будет рядом, для страховки. Мы же не можем предсказать, как поведет себя Тогрис, вдруг девочке поддержка понадобится.

— Ладно. А с Ларилиной как быть? Я не рассчитывал, что она здесь появится. Мне сложно, когда приходится разделять внимание.

— А что ты хотел? — вздыхает родительница. — Девушка спит и видит тебя в своей постели. Она уже совершеннолетняя, ей сложно сдерживаться и жить вдали от тебя. Может, ты все

же изменишь свое решение? Выберешь себе подходящую по возрасту фаворитку и женишься...

— Нет, — категорически отрезает брат. — Я уже выбрал. Ты знаешь кого.

— Знаю. А еще я знаю, что Вария не в курсе, кем для тебя станет в будущем. И не удивлюсь, если в конечном итоге Ларилина не выдержит и обвинит ее виновницей твоей холодности.

— Да, я Варию люблю! — В голосе Ваймона появляются сердитые интонации. — И не виноват, что мое сердце не готово разделить эту любовь на двоих. А Ларилина... Пусть радуется тому, что хотя бы мой разум принимает ее как возможную жену, и ждет свадьбы Идилинны. Когда Вария освободится от обязанностей фрейлины, тогда и я женюсь.

— Дорогой мой, еще семь лет без женщины... Ты уверен, что выдержишь?

— Мама! — возмущенно, впрочем, весьма сдавленно восклицает брат. — Я взрослый мужчина и...

— Взрослый, взрослый, — успокаивающе мягко перебивает его родительница. — Потому я и переживаю. И де'вРон за дочь беспокоится.

— Его что-то не устраивает? — не успокаивается Ваймон. — Пусть мне об этом скажет. Я же не против сбить привязку. И не моя вина, что родителям Ларилины хочется видеть дочь королевой Виона, а вы с отцом их в этом желании поддерживаете.

— Род де'вРонов после рода ди'Донов самый древний и уважаемый на Вионе! — нравоучительно и строго парирует мама. — Потому твой папа и передал Грану статус вице-короля. Настраивать его против себя не самый хороший вариант, не находишь? Тем более отец Варии всего лишь губернатор Жельской провинции, много ли он может дать тебе как будущему королю, которому нужна поддержка общественного мнения и круг преданных влиятельных приближенных?

В комнате воцаряется напряженное молчание, и я прихожу в себя, неслышно отступая обратно к столу — не заметила в увлеченности, как подошла к самой двери.

Вот так ситуация... Не думала, что все настолько сложно и серьезно.

Не думала? А о чем я вообще все это время думала? Жила себе спокойно, воспринимая окружающих и близких как нормальный, привычный фон. Родители, брат, придворные, на-

ставницы, девчонки-подружки, фрейлина... Они сами по себе и рядом лишь тогда, когда у меня в них есть необходимость, но чаще всего и я сама по себе. А теперь, оказывается, не вникала я в их взаимоотношения совершенно напрасно. Вон сколько интересного пропустила!

— Я не отказываюсь от своих обязательств. — Голос брата звучит хрипло и устало. Определенно не первый раз у них заходит разговор на эту тему. — Но и от Вари не откажусь.

— Знаю, милый. Ни один мужчина не захочет терять любимую женщину. — В интонациях родительницы тоже нет ни оптимизма, ни удовлетворения уступчивостью сына. — Я завтра поговорю с Ларилиной, попробую убедить ее не давить на тебя. Но обещать ничего не могу, сам понимаешь. Она ведь влюблена, ей на самом деле трудно.

— Спасибо.

Ответ сдержанный, лаконичный. За ним следует тяжелый вздох, шорох, звук, кажется, поцелуя в лоб... Мама выходит из комнаты, потому что слышен щелчок замка. Я же замираю, решая, как поступить мне: тоже уйти или выйти к брату и откровенно поговорить?

— Дихол!

Раздраженное восклицание, резкий удар, от которого я вздрагиваю, невольно подсакивая к двери и заглядывая в щель.

Ваймон лежит ничком на кровати. Стул с погнутой ножкой валяется на полу. А на матовом темно-синем покрытии стены вмятина...

Нет уж, сейчас к брату лучше не соваться. Иначе точно получу по полной программе.

Приняв решение, возвращаюсь к себе. Вария спит, уткнувшись лицом в подушку. Тонкая рука пальцами касается пола, и я не удерживаюсь — поднимаю ее и укладываю удобнее.

— Вай... — едва слышно всхлипывает девушка.

— Спи-спи, — успокаивающе шепчу в ответ.

Забираясь в кровать, вздыхаю при мысли, что совсем иначе воспринимаю все, что происходит рядом. То, что мне предстоит завтра. И то, что ожидает меня в будущем.

Как же сильно может изменить сознание простое любопытство, помноженное на переходный возраст...

*Все дела твои забрось, ждет внимания твой...
Гость.*

— Я счастлив.

Приятный глубокий голос окутывает ласкающими интонациями. Зачаровывает, заставляя прислушиваться только к нему, ощущать лишь приятное тепло ладоней, согревающих мои руки, и трепетать в груди неведомые струны.

— Я счастлив, что вы оказали мне честь назвать вас в будущем своей невестой... Идилинна.

Совсем маленькая пауза перед именем, почти незаметная заминка, однако ее оказывается достаточно, чтобы настороженность, которая со вчерашнего дня накрепко угнездилась в моей голове, немедленно разогнала все очарование момента и сосредоточилась на подозрительном факте.

— Вам не нравится мое имя?

— Что?

Сидящий рядом со мной на скамье мужчина изумленно смотрит, не понимая вопроса. То ли я плохо его сформулировала, то ли это он от неожиданности.

— Вы не сразу имя назвали, — поясню, осторожно высвобождая пальцы из захвата.

— Ах вот в чем дело... — с явным облегчением выдыхает Тогрис. Улыбка возвращается на его губы, а мою руку он весьма ловко ловит, возвращая в плен своих ладоней. — Это потому, что на Томлине не принято обращаться к девушке напрямую по имени, если она не принадлежит к кругу семьи.

— А как принято?

Заинтригованная, жду ответа и получаю неожиданное:

— С указанием статуса, фисса Идилинна.

Фисса? Надо же, какая любопытная традиция. Хотя чему я удивляюсь? Уникальные, как и способности жителей, традиции имеются на каждой планете. Постепенно они распространяются и принимаются, становясь привычными для всех, кто входит в состав империи. Особенно быстро это происходит, когда планета становится столицей, а ее король или его сын — императором.

— А к мужчинам как обращаться? Фис?

— Почти, — смеется томлинец. Ему нравится моя сообразительность и непосредственность. — Если у мужчины нет династического статуса, тогда фист, если же есть, то ферг.

— Значит, я вас должна звать ферт Тогрис?

— Верно. Вот только... — Он снова берет паузу, на этот раз несомненно намеренную, чтобы заинтриговать меня сильнее. — Еще пять минут назад я был в этом уверен, а теперь сомневаюсь.

— Почему?

— У вас очень красивый голос. Певучий и звонкий одновременно. И мое имя звучит так... притягательно. Я готов даже забыть о статусе, лишь бы слышать его из ваших уст.

— А вы не слишком торопитесь? — Теперь уже я смеюсь, потому что поведение мужчины и его слова кажутся мне невероятно забавными.

— Ничуть, — не смущается томлинец. Скорее наоборот, становится смелее и придвигается ближе, склоняясь к моему виску. — Скажу по секрету, — объясняет-таки свои действия, — мне даже кажется, что я непростительно медлителен. Идилинна, вы безумно привлекательная девушка. Во всех смыслах.

— Ага, — скептически хмыкнув, я отодвигаюсь на прежнюю дистанцию, — особенно в смысле моего статуса наследницы.

— Да при чем тут это? — восклицает Тогрис, изумляясь моей непонятливости. — Неужели ваши зеркала не отражают реальности? Или же вы не хотите ее видеть, потому что... — Он задумывается и приходит к выводу: — ...еще очень молоды.

— Вот в этом вы правы, слишком молода, — преувеличенно серьезно киваю, соглашаясь. И тут же меняю тактику. — Ой, нет, не правы! Не могу я быть привлекательна *во всех* смыслах. Один из них мне точно еще недоступен.

Заявление вводит мужчину в ступор. Он даже руку мою выпускает и смотрит в недоумении, стараясь разобраться. Его глаза с желто-рыжим ободком радужки, которая на свету кажется необычайно прозрачной и чистой, прицельно скользят по мне, изучая кончики лакированных белых туфель, воздушную ткань многослойной юбки цвета грозового неба, ажурный бледно-голубой корсаж, открытые плечи... Поднимаются выше, следуя за темно-синей волной распущенных волос, на несколько секунд замирают на губах... Наконец снова приходят в движение, встречаясь со мной взглядом. Растерянным.

— Возможно, я дорада, но... Что вы имели в виду? Это намек на неискушенность и невозможность близких отношений? Но тут и без уточнений понятно, что все это не может рассмат-

риваться по отношению к вам как привлекающий мужчин фактор.

— Это только вы так полагаете.

Перед глазами вновь встает разочарованное лицо исгреанина, и мое настроение как-то резко меняется. В худшую сторону. Не то гнев, не то просто возмущение рокочет в глубине души, не желая утихомириваться.

— Идилинна... Кто же так плохо повлиял на вашу самооценку?

Моя рука вновь оказывается в теплых ладонях томлинца, а в его голосе появляются нотки заботы и участия, постепенно сменяющиеся раздражением, направленным на того, кто посмел меня обидеть. И, кстати, Тогрис проявляет удивительную догадливость, высказывая предположение:

— Ро'дИас?

Я лишь плечом дергаю, не в силах определить, чего мне хочется больше: подтвердить проявленную исгреанином бестактность или же ее скрыть. Однако это не мешает мужчине понять все правильно.

— Вам не стоит принимать так близко к сердцу его мнение. Если только...

Он резко замолкает, а глаза темнеют, становясь почти карими. Теперь в их глубине плещется что-то непонятное, злое. Мой отец однажды так же смотрел на шенорианского посла, когда тот осыпал маму комплиментами. На следующий день этого империанина в составе делегации уже не было. Это ревность?

— Если что? — Смущенная и заинтригованная, я все же подталкиваю Тогрису к продолжению, и он вынужденно, но заканчивает:

— Если только вы не считаете его достойным статуса императора и вашего мужа.

— Не считаю.

Взмахом свободной руки я отметаю в сторону все, что более для меня несущественно. Вот если бы исгреанин симпатию проявил, тогда можно было бы сожалеть. А так...

— Ферт Тогрис, а почему вы сказали «дорада»? — вспоминаю, с чего, по сути, начался разговор.

— Потому что это самое глупое существо на Томлине.

— И на Вионе, — добавляю я.

— Неужели они и у вас обитают? — удивляется Тогрис. — Вот уж не думал.

— Не только у нас. Они и на Цессе живут, и на Ле, и на Ипере, и еще на нескольких планетах. Правда, внешне все же чуток разнятся, но по отсутствию ума и крайне низкой осторожности ничем не отличаются. И называют их везде одинаково.

— Как любопытно.

Взгляд томлинца скользит по веткам и листьям кустарника, наверняка пытаюсь отыскать хоть одну дораду. Вот только нет их в королевском парке по очень простой причине: они быстро размножаются, но столь же быстро и гибнут из-за собственной неосторожности. А кому приятно находить маленькие пушистые трупки везде, куда они смогли забраться, чтобы самоубиться? Правильно. Никому. Вот садовники и следят, чтобы они здесь не селились.

— Расскажите мне о ящерах, — решаю, что тема самая благоприятная, чтобы как можно дальше уйти от обсуждения личностей. — Как вы их называете?

— Краги, — с готовностью выполняет мою просьбу Тогрис. — Массивные, рогатые, четвероногие, с покрытой роговыми пластинами кожей и с мускулистым хвостом. В дикой природе они в подземных пещерах живут, там, где много томлитонита. Это кристалл, который создает своеобразное поле, защищая от радиации. А чтобы обезопасить ручных крагов, мы им надеваем ошейники с этим камнем.

— Мне тоже ошейник носить придется? Или защитный комбинезон? — Неожиданно его слова наталкивают меня на мысль о малоприятной перспективе. Это только томлинцам высокий уровень радиации на их планете вреда не причиняет, потому что расовые способности у жителей соответствующие. А всех остальных убьет за считанные часы.

— Не думаю, что это потребуется. Мы обязательно найдем более удобный и красивый вариант. Вы же очень маленькая, миниатюрная по сравнению с крагами. Так что будет достаточно изящного гарнитура для постоянного ношения — браслета и цепочки с подвеской из томлитонита. Он бывает разных желтых оттенков и будет изумительно сочетаться с цветом ваших волос и глаз, — почему-то невероятно ласково, практически мечтательно продолжает мужчина, в то время как подушечки пальцев томительно медленно скользят по голой коже

плеча. — Вы станете настоящим сокровищем на Томлине. Мы очень ценим яркие цвета, которых так мало на нашей планете.

Ну вот. Кому-то мой облик не нравится, а для кого-то желанен и ценен.

Стоп! Опять я об исгреанине думаю?! Да что же такое? Почему он в мою голову упорно лезет? Это то самое влечение, о котором твердит мама? Или что-то иное? Например... ну не знаю. Обида и желание доказать, как сильно он ошибся.

— Я снова сказал что-то не то? — реагирует на мое молчание Тогрис. Смотрит на свою руку, которая замерла, прекратив движение, и спрашивает: — Или вам неприятно?

— Нет, что вы, ничего неприятного, — успокаиваю томлинца. Ведь на самом деле совершенно спокойно его действия воспринимаю. Без энтузиазма, конечно, но и без отторжения. — Просто сидеть устала. Давайте погуляем? Я вам парк покажу.

Предложение получается удачным. В том смысле, что движение куда больше способствует продуктивному разговору, не позволяя посторонним мыслям надолго поселиться в голове. Лишь иногда мелькнет что-то отвлекающее и исчезнет, стертое новыми впечатлениями: теплым сильным ветром, путающим волосы и забрасывающим юбку на ветки кустов; руками томлинца, помогающими мне освободиться; веселым смехом мужчины, в ладонях которого впервые оказался ласковый зеленый шарик — молоденький ик'лы.

— Вы можете взять его с собой на Томлин, — предлагаю, видя, с какой заинтересованностью Тогрис смотрит, как малыш то липнет к коже, распластываясь в плоский блинчик, то превращается в упругий мячик, катаясь по ладони, то сворачивается в толстую нить, стараясь уползти под одежду.

— А он у меня выживет? — проявляет сомнение мужчина. — Я ведь не знаю, ни как за ним ухаживать, ни как кормить.

— Не волнуйтесь, это совсем просто. Ваш питомец зеленый, значит, обладает фотосинтезом. Ему, кроме воды, воздуха и света, ничего больше и не нужно. Вот с синим было бы больше проблем — они хищники. А красные питаются растениями. Хотите красного? — спрашиваю, потому что томлинец задумался.

— Нет, нет, меня цвет устраивает. Я думаю, как его от радиации защитить.

— Скормите ему малюсенький кусочек томлитонита. Переварить его он не сможет, но и вывести наружу тоже.

— Здорово! — восхищается моей находчивостью Тогрис, однако почему-то снова колеблется. — Но он ведь будет скучать. И ему, наверное, пара нужна.

— Одиночество ик'лы неплохо переносят, если рядом есть хозяин. Пара малышу понадобится через год-два, и тогда, конечно, важно, чтобы он оказался в стае. Правда, на этом его жизнь закончится, а вам, если захотите, достанется его детеныш. Вы ведь будете прилетать на Вион? Или я вас теперь увижу только перед свадьбой?

Вопрос животрепещущий. Мне как-то не хочется выходить замуж, не полюбив будущего мужа. И вообще, за десять лет я забуду, как он выглядит!

— Конечно, я буду приезжать. Постараюсь делать это как можно чаще. Я ведь не занят управлением планетой, лишь помогаю своему отцу, а он, несомненно, поймет мое желание проводить как можно больше времени на Вионе. С вами, Идилинна.

Хоть и приятно звучит последнее заявление, но в его реализации я сомневаюсь.

— Боюсь, что последнее не верно. Сняв с себя задачу управления Томлином, вы будете вынуждены вникать в вопросы управления Объединенными территориями. Мой отец стопроцентно воспользуется вашим присутствием, чтобы передать вам свой опыт. Так что времени на личное общение у нас останется немного.

— Согласен. Но даже это лучше, чем ничего. Верно?

Не дожидаясь ответа, Тогрис неожиданно останавливается и разворачивается, преграждая мне путь. Опускается на одно колено, удерживая в своих ладонях мои пальцы. Смотрит в глаза, не опуская взгляда.

— Идилинна, я ведь вижу, как вы далеки от симпатии ко мне. Да, вы молоды, но причина не в этом, а в том, что я, по всей видимости, оказался непривлекателен для вашего организма. И все же, несмотря на равнодушие, вы меня не отталкиваете, идете навстречу, оставляете шанс. У меня не хватает слов, чтобы высказать вам свою признательность. Как же я рад, что у нас еще много времени, чтобы узнать друг друга. Чтобы полюбить. Я сделаю все, чтобы вы чувствовали себя счастливой. И уже сейчас уверен, что буду любить вас всю жизнь, моя фисса.

Его губы нежно касаются кожи на запястье и...

И сердце, глупое сердце, которое все это время билось через раз, словно тоже слушало и боялось пропустить хоть слово, пускается вскачь. По телу прокатывается жаркая волна, будто меня опустили в кипяток. В глазах темнеет. Ох...

*Для всех родителей на свете важней всего их...
Дети.*

— Лина, доченька! Не пугай нас так, малышка... Лина!

Мамин голос, настойчивый и взволнованный, врывается в сознание, и я даже не сразу понимаю — что случилось? Почему она так переживает? И лишь когда слышу расстроенное «никак в себя не приходит», вспоминаю — я же сознание потеряла!

Подскакиваю. Вернее, сажусь. Во-первых, потому что лежу на диване в лазурной гостиной дворца. Во-вторых, у родительницы, которая сидит рядом, свои планы — она тут же обнимает, не позволяя вскочить на ноги.

— Ну вот, замечательно... Фух... — с облегчением выдохнув и прижав к себе, мама гладит меня по волосам. Впрочем, длится проявление заботы совсем недолго. Как обычно, едва убедившись, что мне больше ничего не грозит, родительница отстраняется. Словно большая степень опеки кажется ей излишней.

— Вария! От Лины ни на шаг! — непрерываемо приказывает, поднимаясь и направляясь на выход из гостиной.

Моя фрейлина, которую я не видела, потому что та стояла сзади, опускается на сиденье в моих ногах.

— Как я тут оказалась? — не удерживаюсь от вопроса, едва родительница исчезает за дверью.

— Вам плохо стало. Цу'лЗар вас сюда принес.

— На руках?

— Да. Ваймон попытался вас забрать, но не сумел. Видели бы вы, как принц на него посмотрел.

— Как?

Вместо ответа Вария сердито сдвигает синие брови к переносице и грозно прищуривается. Да уж. Словами это передать на самом деле сложно. Больше похоже на «Мое! Не сметь!»

Пантомима меня забавляет, и я хихикаю, представляя, как бедный Ваймон ошалел от подобного безмолвного заявления.

Еще никто и никогда такого себе не позволял. Потому, наверное, брат и отступился.

— Ясно. А где... — замолкаю, прислушиваясь, потому что за неплотно прикрытой дверью точно идет еще один разговор.

— ...не имел права так поступать! Литт, ты должен с ним разобратся!

— Майри, хватит, — мягко просит папа. Ведь это ему мама претензии предъявляет. — Имел, не имел... Нельзя рассуждать так категорично. Ситуация нестандартная.

— Да что ж тут нестандартного? — не сдается родительница. — Ведь все просто! Даже поцелуй руки требует согласия девушки. А Тогрис его не просил.

— У него было ее согласие, — терпеливо объясняет отец. — Потому что выбор Лина сделала.

— Косвенное согласие. Она же несовершеннолетняя!

— Майри, прекрати. Отношения Лины и цу'лЗара — это исключение из принятых правил. Да, девочка несовершеннолетняя, значит, невестой быть не может, но по факту сделанного выбора она ею стала.

— Пусть так. Но целовать-то зачем? — В голосе родительницы появляются плаксивые нотки. Поняв, что проигрывает, она сменила тактику. А вот папа остался так же спокоен, как и был.

— Чтобы организм Лины определился. После спровоцированного поцелуем гормонального всплеска уже не останется сомнений — появится к Тогрису влечение или нет.

— Хочешь сказать, он решил рискнуть? Вместо того чтобы просто подождать свадебного танца?

— А вдруг за эти годы, на фоне отсутствия влечения к будущему жениху, у нее возникла бы привязка к другому? И этот другой отказался бы ее сбивать? Потребовал титул императора? И при этом оказался еще и недостойным кандидатом?.. Майри, — ласково убеждает папа, — я считаю, что Тогрис поступил правильно. Если сейчас организм Лины его отвергнет, мы просто организуем еще одну встречу и пригласим больше принцев. Если же примет, то у нас не останется причин для переживаний. Мы будем спокойны и за судьбу нашей дочери и за будущее империи.

— Ты, похоже, уже сейчас спокоен, — раздражение в голосе мамы не снижается, — раз считаешь нормальным, что Тогрис довел Лину до обморока. И состояние дочери тебя не волнует...

— По-твоему, я просто так сюда пришел?!

О! Впервые слышу, как родители разговаривают на повышенных тонах. То ли мне просто везло, то ли на самом деле они первый раз ссорятся. А я причиной конфликта быть не хочу. Поэтому, когда дверь наконец распахивается и папа, шагнув в гостиную, с беспокойством смотрит на меня, весело отвечаю, опережая вопрос:

— Я себя прекрасно чувствую!

— Подслушивала? — Отец подходит ближе, чтобы погладить по голове и присесть на диван, с которого при появлении императора весьма споро вскочила Вария.

— Вы очень громко все обсуждали. И проем был... приоткрыт.

Бросив укоризненный взгляд на замершую у входа маленькую желтоволосую фигурку в темно-синем бархатном платье, старательно сохраняющую на лице невозмутимое и не самое довольное выражение, папа вновь смотрит на меня.

— Готова его увидеть? Или отложим выяснение? Можешь вообще отказаться от встречи, если чувствуешь, что он теперь тебе неприятен.

О ком речь, не уточняет. Потому что и так понятно, что о Тогрисе.

— Неприятен? — переспрашиваю и задумываюсь. Представляю образ томлинца, вспоминаю наш разговор, его прикосновение, охватившее меня волнение... Оно и сейчас рождается в груди, учащая дыхание и прокатываясь мурашками по коже. — Пожалуй, нет. Я на него не злюсь и не хочу, чтобы он исчез и больше в моей жизни не появлялся.

— Хорошо. Тогда... — Отец, надавив на запястье, включает коммуникатор. — Ваймон, мы вас ждем.

Вновь погладив меня по голове, он поднимается, смотрит на Варию, и фрейлина немедленно бросается ко мне, помогая встать и привести в порядок одежду. Она даже прическу успевает поправить, прежде чем в комнате появляются мужчины. Я же хоть и волнуюсь, но, едва вижу шагнувшего ко мне Тогриса, успокаиваюсь. Нет, не ошиблась. Мне на самом деле приятно его присутствие.

— Прошу простить меня, фисса Идилинна, — извиняется он, останавливаясь в двух шагах от меня. — И благодарю за еще один шанс.

— Это я должна просить прощения, ферт, — поощряя принца, даже новое слово использую. — Раньше я не отличалась столь высокой чувствительностью, так что я сама не ожидала от себя такой реакции. И спасибо, что мне помогли.

Протягиваю руку и, чувствуя сильное, уверенное пожатие, от которого на душе становится так хорошо, с улыбкой разворачиваюсь к родителям.

— Мы можем погулять еще немного? Или это недопустимо?

— Гуляйте, — с отчетливо заметной обреченностью разрешает мама. Папа лишь молча кивает. Однако я уверена, что он доволен.

*Не боясь испачкать ноги, мы шагаем по...
Дороге.*

— Сегодня я не нравлюсь вашей маме, — констатирует Тогрис, когда дворец оказывается позади и мы вновь углубляемся в парк. — Вчера вроде нравился...

— Мама вообще очень противоречива. У нее настроение и убеждения меняются мгновенно, стоит лишь измениться обстоятельствам. Ее возмутили ваши действия, поэтому про все хорошее она сразу забыла. Не переживайте. Вспомнит.

— Или же мне придется искать способ реабилитироваться, — вполне резонно замечает мужчина. — Идилинна, а вы на самом деле на меня не обижены?

Обижена? Я? Даже останавливаюсь, с удивлением глядя на ожидающего моего ответа томлинца. В глазах тревога, поза напряженная, дыхание беспокойное. Вот ведь как переживает! И этого не скрывает. Не думала, что мужчины так поступают. Ваймон, например, ни за что не признается в том, что происходит в его душе. Сегодня утром, по крайней мере, на лице брата не было никаких следов вчерашних душевных терзаний, столь явно проявившихся ночью. И в присутствии Варии он вел себя совершенно спокойно.

— Хотите знать, что я чувствую? — спрашиваю. Стараясь сделать это незаметно, сжимаю ткань длинной юбки, присобирая ее и, едва Тогрис кивает, провоцирующе останавливаясь перед каждым словом, предупреждаю: — Тогда... сначала... вам... придется... меня... догнать!

Последнее говорю быстро и, взвизгнув, стремглав бросаюсь прочь по дорожке, ведущей к побережью.

— Идилинна, стойте! — слышу изумленное восклицание, но выполнять просьбу не собираюсь. Вот еще! Хватит с меня этих... «взрослостей»!

Кстати, бегает Тогрис неплохо. Он даже ухитряется со мной поравняться до того, как оказываемся на площадке, где вчера я в компании с Варией коротала время в ожидании, когда нас позовут на церемонию.

Еще некоторое время у меня получается ловко маневрировать, ускользая от рук пытающегося меня поймать томлинца. В итоге ему все же удается перехватить меня за талию и оторвать от земли. А все почему? Да потому, что веселюсь я много. Очень уж забавное развлечение выходит. Играть в догонялки с фрейлиной не так интересно, а Ваймон до этого вообще не опускается.

— Идилинна, какой же вы еще ребенок! — смеется Тогрис, пытаюсь удержать брыкающуюся и хохочущую меня. — Сколько же в вас энергии!

— Фух! — выдыхаю я с облегчением, прекращая игру. — Наконец-то поняли.

— Понял, конечно, — все еще тяжело дыша, подтверждает мужчина. — Обещаю больше не задавать серьезных вопросов. Разумеется, до тех пор, пока вы не станете для этого достаточно взрослой.

— Отлично! — радуюсь, обвивая руками шею томлинца, и лишь после этого обращаю внимание, что он меня не просто поймал, но еще и на руки поднял.

Удивляюсь, само собой. А еще болтаю ногами в воздухе, убеждаясь, что юбка их все же закрывает, а не задралась до колен.

— Поставить вас на землю? — тут же спохватывается, становясь серьезным, Тогрис.

Ну вот, опять он за свое!

— Не надо. Лучше до мыса донесите, там скамейки есть, можно будет посидеть. Я устала.

Указав рукой направление, демонстративно укладываю голову на широкое мужское плечо. Вернее, на плотную наплечную вставку пиджака. А дальше мне остается лишь получать удовольствие от легкости, с которой томлинец меня несет, шагая по каменистой дороге.

Какой, оказывается, удобный способ дойти до нужного места... Надо будет почаще его использовать.

Тогрису, похоже, процесс тоже нравится. Скованность его движений исчезает, а когда оказываемся на смотровой площадке и меня аккуратно опускают на упругую поверхность скамьи, рука мужчины продолжает обнимать за талию. Если бы его что-то не устраивало, он ведь просто бы отстранился. По крайней мере, мне так кажется.

— Здесь очень красиво. — Томлинец с явным восхищением рассматривает лазурное небо, накатывающие на побережье волны и летающих над ними ворков. — Вам повезло, фисса, родиться на такой прекрасной планете. Томлин с ней вряд ли сравнится.

— А я читала и в фильмах обучающих видела, что у вас там тоже много красивых мест. Подземные озера и моря, песчаные дюны, шахты, — парирую, потому что мне не нравится, как Тогрис отзывается о своей родной планете. Да он первый должен встать на ее защиту! Она для него должна быть самой лучшей.

— Это другая красота, — объясняет мой собеседник. — Су-ровая, аскетичная. А Вион мягкий, ласковый.

— Отличный контраст! — смеюсь я. — Меня наставницы учили, что все познается в сравнении. Лишь так можно правильно оценить и понять все, что нас окружает. И я с огромным удовольствием побываю на Томлине, чтобы в этом лично убедиться. Кстати! — спохватываюсь, вспомнив, о чем хотела его попросить. — Как думаете, меня отпустят с вами? Хотя бы ненадолго! Вы можете папу об этом попросить? Или, чтобы увидеть вашу планету, мне придется ждать свадьбы?

— Вроде бы я не слышал о каких-то запретах, с этим связанным, — задумывается мужчина. — Если ваши родители согласятся, я с удовольствием организую для вас отдых и экскурсию по Томлину... Идилинна, а вы вообще летали в космос?

— Да... То есть нет. Когда мама была мной беременна, родители летали на Шенор. К бабушке Алли. А так все к нам прилетают.

— Почему до вашего рождения, а не *после*? — удивляется Тогрис. — Был какой-то особый повод?

— Можно и так сказать. Бабушка при смерти оказалась, потому что королевский дворец попал под сверхмощный метеоритный удар. Тогда многие пострадали.

Наступает молчание, которое завершается расстроенным:

— Простите. Я ведь знал об этом. Читал же в новостях о судьбе шенорской династии, а события и время почему-то не сопоставил. И невольно вам о трагедии напомнил.

«Почему-то»? Он так плохо умеет анализировать? Это не очень хорошо. Все же король, пусть и будущий, а уж тем более император, должен мыслить широко и быть прозорливым. Ладно хоть извинился. То есть честно признался. Значит, готов учиться и набираться опыта. Что же касается «напоминания», то тут моя мама куда больше переживает, а я ведь бабушку так и не увидела.

Не желая произносить все это вслух, я пожимаю плечами и принимаюсь постукивать носком туфельки о маленький камушек, выступающий из кладки на дорожке. Пять-шесть ударов, и он расшатывается. Откатывается вперед, а я спрыгиваю со скамьи, чтобы его поднять. Подбежав к ограждению, с размаха бросаю трофей в воду, наблюдая, как он бесследно исчезает в волнах, а ворки, принявшие его за неосторожного ик'лы, кидаются следом.

— Попробуйте, — предлагаю мужчине, который, наверняка меня страхует, уже стоит рядом.

Тогрис осматривается, видимо отыскивая свободно лежащие камни. Понятно, что дорожку портить ему не хочется, но тут, увы, вариантов нет. Либо портить, либо идти к дальнему краю площадки, где заканчивается окультуренная территория и начинается дикая смесь каменного крошева, выступов материнской породы и чахлой растительности, ухитрившейся за это все зацепиться. И ведь вот что удивительно — томлинец сразу на это место нацеливается.

— Кажется, там и камней больше и кидать их будет удобнее, — поясняет, протягивая руку, чтобы не позволить мне остаться. И хотя топтать в такую даль я желанием не горю, приходится это делать. Сама игру предложила. А то, что партнер действует не так, как мне хочется... Увы, но это по правилам. Потому как его ход.

— А зачем вообще бросать камни в воду? Это какой-то ритуал?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Выбор и детство. Куда от них деться?	5
<i>Глава 2.</i> Советы и дружба. Зачем это нужно?	49
<i>Глава 3.</i> Думать и не рисковать. Где терпенье отыскать?	107
<i>Глава 4.</i> Долг чести огромен. Кто в этом виновен?	143
<i>Глава 5.</i> Проигрыш сродни удаче. В чем условие задачи?	187
<i>Глава 6.</i> Победы и поражения. Где логика решения?	239
<i>Глава 7.</i> Живешь и желаешь. Что ты выбираешь?	286